

ОДНА НОЧЬ
С ЖЕНЩИНОЙ,
КОТОРАЯ МЕНЯ ЛЮБИЛА

*Эта работа, с первой строчки
и до последней — посвящение.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Письмо к женщине» Есенина побудило меня записать созданную нами историю. В этом году я начал понимать его строки: «Лицом к лицу лица не увидеть. Большое видится на расстоянье». Оказывается, Есенина не нужно было читать, к нему нужно было протоптать дорогу.

Автобус из Репина ходил каждые пятнадцать минут. Путь до Санкт-Петербурга, до Беговой занимал чуть больше часа, в дороге я слушал музыку и смотрел в окно. Я снимал комнату у женщины, которая меня любила. Когда я при-

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

летел, она предлагала мне поселиться у нее бесплатно — пока она жила у Парка 300-летия Санкт-Петербурга, две ее комнаты в Репине пустовали — и оплачивать только коммунальные услуги. Такого я не смог себе позволить и молча заплатил за свое проживание, воспользовавшись ее гостеприимством. Просторная, солнечная комната, до Финского залива пятнадцать минут спокойным прогулочным шагом. Один сосед — общительный, дружелюбный парень. Там, в курортном поселке, была своя атмосфера: тишины, покоя, неспешности. Эта женщина подарила мне Курортный район, как бы громко это ни звучало. Я жил в Петербурге с двадцати лет и был далек от Курортного района, как от вод реки Нил, я знал только малую часть города. Недели, проведенные в этом месте, оставили во мне теплые и приятные воспоминания. Какой же разный Петербург — как мало я брал.

Одна ночь с женщиной, которая меня любила

Там я закончил «Уязвимость», там, просыпаясь от солнечных лучей, засыпая с открытым окном от апрельской прохлады, я смог прийти в себя и подлатать себя, чтобы с новыми силами отправиться в дальнейший путь. Будучи в Репине, я делился с моей хозяйкой своими мыслями: «Живя в часе езды от города, ты больше ценишь время, проведенное в городе, когда туда приезжаешь. Каждый час имеет больше ценности, хочется много всего успеть, впихнуть в себя. Я плачу за свою поездку в город тем, что трачу на автобус больше двух часов и пятнадцать минут иду пешком до остановки. Ты уже не ценишь все то, что имеешь, как ценю я то, чего не имею. Ты каждый день смотришь в окно и видишь Лахту, закаты над заливом». Она ответила мне, что ценит то, что имеет. Мне подумалось в этот момент, что напоминает себе ценить. То, что удивительно и прекрасно один день,

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

становится привычным, когда видишь это годами.

В тот вечер она не знала, что я приехал в город. Я позвонил ей и сообщил, что приобрел новые кроссовки и курточку, она пригласила к себе в гости на чай.

Девочка ростом метр сорок семь, девушка, которую я поцеловал у маяка возле Финского залива в Парке 300-летия Санкт-Петербурга. Большой человек, не помещающийся в маленькое хрупкое тельце. Даже я, невысокий, стройный, рядом с ней казался крупнее.

Собака узнала меня. Она радостно приветствовала меня, то прыгая у моих ног, то бегая из стороны в сторону, приговаривая что-то на своем собачьем языке. Джеральд оставил шрам мне на память на носу, он укусил меня прошлой осенью, когда я хотел взять его на руки. Хорошая собака. С того момента наши отношения с ним не испортились.

Одна ночь с женщиной, которая меня любила

— Привет, Джеральд.

Снял обувь. Погладил его и посмотрел на нее. Малышку. Красивую, тоненькую.

— Здравствуй.

— Здравствуй.

Я обнял ее. Не целовал. Не разрешала себя целовать в губы после того случая. Я пытался — не один раз. Однажды даже силой, крепко обняв ее на пляже у залива. Она не позволила. Я почувствовал себя отвергнутым. Больно, когда тебя вот так отвергает женщина, которую ты целовал столько раз, что и не сосчитать. Это не похоже на пощечину, это хуже. Это похоже на удар — сильный удар.

Я перестал пытаться ее поцеловать, достучаться до нее: вот он я — целуй меня в ответ, целуй меня, люби меня, вернись.

Я обнимал — и ничего больше. Первый раз отвергла, попробовал второй раз, потом третий. В четвертый раз по-

ВЯЧЕСЛАВ ПРАХ

пробовал только в ее постели. И после него отверг уже я. Не сразу. Через несколько дней после этой ночи. Она приехала в Репино, я помогал ей разобрать и вынести мебель. На прощание она хотела меня обнять, а я оттолкнул ее так, будто она предала меня, совершила непростительный поступок. Так оттолкнул, словно отыскал ее в чужой постели, а после этого она полезла обниматься — я даже сам от себя не ожидал, что способен на это.

Она молча ушла на автобус. Я молча ушел в квартиру.

Мы познакомились с ней, когда мне было двадцать семь, а ей тридцать восемь. Я встретил ее птицей, любящей волю-волюшку, свободу-свободушку, запертой в клетку — по собственному желанию, — в которой было ей то комфортно, то душно. У нее был мужчина, кото-

Одна ночь с женщиной, которая меня любила

рый ее не «брал» многие годы, который любил ее, продолжая жить с другой женщиной. Я был для нее праздником, редким праздником — и она была для меня праздником, редким.

Эту работу я назвал — «Одна ночь с женщиной, которая меня любила». Я запомнил ту последнюю странную ночь, которую мы провели вместе. Лицом к лицу. Спиной к лицу. Спиной к спине. Мы спали на одной кровати, и у нас не было секса. Даже в губы не позволяла себя целовать, но не отвергала меня, когда я целовал ее в шею, в щеку, в подбородок. Мне казалось, что это такая игра — «прояви настойчивость и возьми меня», «прояви фантазию и медленно подготовь меня к большему». Наутро я понял, что это была не игра, какой бы тоненькой она ни выглядела внешне, ее ласковое и мелодичное «нет» оказалось твердым, как бетон. Я не смог его пробить.